

Юрий Елисеев

Триллер

В поисках Либереи

16+

Юрий Павлович Елисеев В поисках Либереи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62708217

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-99242-9

Аннотация

Остросюжетное повествование о шпионаже и детективной истории поисков легендарной библиотеки Ивана Грозного, разворачивающееся на фоне революционных потрясений в России.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	36
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Юрий Елисеев

В поисках Либерей

Часть 1

Глава 1

14 августа 1917 года к зданию журнала «Антик», что на бульваре Вольтера, подошёл молодой человек одетый в штатское, но с явной выправкой военного. Он был бледен, серъёзен, и погружен в себя, как человек принявший непростое решение. Следует отметить, что лицо его носило следы недавней утраты, а тёмные цвета одежды наводили на мысль о том, что усопший был близким родственником. Поправив траурную ленту на рукаве пиджака, он остановился у дверей редакции и огляделся. Как раз в это время на церкви Святого Амбруаза пробили двенадцать. Молодой человек достал «брегет», и сверив часы, вошёл в дом.

Редактор уже ждал его. Видимо предмет разговора был оговорен заранее, поэтому,

обменявшись поклонами, они подошли к столу, где визитёр достал из футляра свёрток цилиндрической формы, не больше фута в длину и бережно развернул его. Это была ру-

копись. Редактор также осторожно принял протянутые листки и вопросительно посмотрел на пришедшего. Тот утвердительно кивнул:

– Смелее мсье, они довольно неплохо сохранилась... Четыре листа, плюс перевод.

Редактор вернулся к рукописи и некоторое время изучал её, перебирая страницы с незнакомыми буквами слегка вспотевшими руками. Молодой человек присел на кресло и тихо, чтобы не мешать, барабанил пальцами о подлокотник кресла, попутно разглядывая кабинет хозяина и размышляя о том, сколько предложит редактор и какую цену следует объявить, если тот предоставит ему это право. Отец в письме, оставленном после смерти, сообщал, что покупатель не поскупится.

Наконец, редактор сложил листки и, всё ещё глядя на рукопись, сказал:

– Занятно, очень занятно. – он повертел свиток в руках и посмотрел на посетителя, который несомненно заинтересовал его. Взгляд редактора упёрся в простодушные глаза молодого повесы, и там неожиданно завис, не получив никакой информации. Ретировавшись, редактор оставил попытки прощупать визитёра и спросил напрямик, указывая на рукопись:

– Вы можете оставить её у меня часа на два? Задаток четверть цены.

– Сколько? – чуть волнуясь, спросил тот и опустил глаза.

– Двадцать тысяч франков. Этого, думаю, хватит, чтобы погасить все ваши долги.

Молодой человек вдруг испытал лёгкое головокружение, но скрыл это тем, что колеблется, раздумывая над предложением. Сумма задатка вдвое превышала цену, на которую он рассчитывал. Справившись с волнением молодой человек произнёс:

– Хорошо, я согласен.

Редактор между тем открыл сейф и достал требуемую сумму.

– Будете пересчитывать?

– О нет, только не это! – воскликнул довольный участник сделки и добавил – Я вполне доверяю вам.

Они ещё раз условились о встрече и распрощались. Когда молодой человек ушёл, редактор запер дверь и сел к столу. Некоторое время он глядел на рукопись взглядом человека, в голове которого происходит серьёзная борьба между невозможными фантазиями и здравым смыслом. Наконец, он развернул французский перевод и прочёл: «Привет вам, братья мои! Привет реки и травы, птицы, и пантеры. Привет вам братья в обличье всякой мелкой твари и привет вам исполины земли и моря...»

Это место редактор прочёл дважды, словно запоминая: «...исполины земли и моря...». Дальше шёл пробел и строки начинались снова. Редактор дотянулся до телефона, крутанул ручку аппарата и, когда на другом конце ему ответила

телефонистка, сказал в телефонную трубку:

– Соедините меня с президентом...

Редактор долго вслушивался в тишину телефонной линии, размышляя с чего начать разговор. Наконец, ему ответили:

– Слушаю вас, Рене.

Следующие четверть часа редактор провёл в беседе с давнишним своим другом и магистром Парижской ложи масонов, президентом Франции Раймоном Пуанкаре. В разговоре с ним редактор Рене сообщил о рукописи, упоминаемой в различных источниках, как «откровения Иеронима», написанном монахом-летописцем царя Ивана IV, где, по утверждению Годунова, монах закодировал место захоронения библиотеки, известной как Либерея. По некоторым признакам добытый свиток, попавший в руки редактора Рене – являлся одной из трёх частей рукописи Чёрного монаха. Редактор вынужден был провести экскурс в историю, чтобы Пуанкаре понял о чём идёт речь.

В своё время царь Иоанн долго искал возможность завладеть библиотекой принадлежавшей византийским Палеологам, пока не получил её в качестве приданного за царевной Ольгой. Она насчитывала около восьмисот греческих книг, включавших в себя сочинения Тацита, Вергилия, Аристо-

фана... — почти весь пантеон античной философии. По свидетельству пастора Иоганна Веттермана, которого Иван IV пригласил из Дерпта для перевода латинских и греческих источников — библиотека действительно поражала своими редкостями, а также большим числом записей об истории династии Рюриков.

Пуанкаре хотел задать вопрос, но редактор, словно предчувствуя это, перевёл рассказ к главному.

Действительно, кроме этих редких книг в библиотеке хранились опасные летописи, написанные за последние пятьсот лет правления династии Рюриков. Иероним правил летописи по прямому приказу последнего Рюриковича. В тексте было вымарано много мест и царь диктовал что писать заново. От сказанного Иоаном, волосы на голове монаха становились дыбом, он понял, что огласка фактов, содержащихся в летописях, может разрушить легенду Рюриков и поселить смуту на долгие годы.

После смерти царя Иероним перепрятал библиотеку, которую и без того считал крамольной, из царского тайника в другой, более недоступный схрон, в одном из отдалённых тоннелей Кремля. На это ушло три месяца. Иероним думал, что проблема с библиотекой разрешилась и сатанинское знание и откровения царя Иоанна навечно сокрыты от людских глаз, но к концу жизни его убеждённости в правильности своего выбора поколебалась, и после восхождения на престол первого Романова, монах решил, что если царская власть на

Руси от бога, то и управиться с этой проблемой должен он сам. Руководствуясь этим выводом, Иероним написал рукопись о фантастических тварях, что являлись ему во снах и закодировал в ней координаты места захоронения Либерей, после

чего рукопись была разделена и отдана людям, которых монах выбрал из трёх сословий населения Москвы.

Это было все, что знал редактор и то, что рассказал ему старший Кожемяка.

Президент внимательно выслушал своего друга и глубоко задумался, пытаясь сопоставить полученную информацию с текущими проблемами Франции и России. У него на этот счёт были свои резоны. Мировая война была развязана исключительно для того, чтобы стереть с карты мешавшие замыслам Франции империи Германии, Турции и России. В свете этого поверженная Россия должна была перейти в концессионное управление странам Антанты. Сибирь на сто лет отдавалась США, Дальний восток отходил японцам, а европейские территории – Франции и Англии. Несомненно, Россия, никогда так близко не стоявшая перед лицом своего краха и доживающая последние дни, как империя, могла, к тому же, потерять большую часть своей привлекательности на мировой арене, если достоянием гласности станут факты изложенные в летописях, о которых упоминал пастор Иоганн Веттерман.

За полчаса до прихода Александра президент дал добро

начать поиски библиотеки. Для этого поле деятельности следовало перенести в Россию и к делу привлечь агента тайной полиции Алена Ришара. Под конец разговора Пуанкаре, вспомнил о посетителе принесшем рукопись и посоветовал обратить на него особое внимание.

Молодого человека звали Александр Кожемяка. В свои двадцать пять лет он успел послужить и уйти в отставку в чине поручика. Не найдя достойного поприща для своих сил, он, последнее время болтался без дела и представлял из себя обычного прожигателя жизни, которому всегда не хватало денег. Родители его, потомки когда-то богатого и знатного рода, обеднели и оставили ему только титул. Александр успешно делал долги и в конце-концов попал в лапы кредиторов. Ему светило пять лет тюрьмы и выбор – бесчестье или пуля в голову.

Когда умер обанкротившийся отец, Александр нашёл среди старых бумаг отца рукопись, которую поначалу хотел выбросить вместе со всем хламом, но обнаружил под ней письмо, написанное отцом незадолго до смерти, в котором он настоятельно рекомендовал ему отнести рукопись редактору журнала и обещал щедрое вознаграждение.

Так Александр и поступил.

Похоронив отца, он через несколько дней созвонился с ре-

дактором и они условились о встрече в редакции, откуда он через четверть часа вышел с деньгами в кармане и предвкушением приятного вечера.

Пройдя по бульвару до сквера, с удовольствием ощущая шуршащие купюры в кармане жилетки, Александр присел на лавочку, и рассеянно поглядывая на дефилирующих дамочек, задумался. События, связанные с этой рукописью, перешли из просто занятных в разряд удивительных, но непонятной тревоги и пустоты, появившейся в центре живота, подсказывало ему, что похоже он стал участником чего-то неприятного и не доступного пониманию. Александру, вдруг, захотелось встать и уйти подальше отсюда, покинуть бульвар и не возвращаться в редакцию... Какое-то время он колебался в выборе решения, но вскоре тень сомнения и внезапной тревоги вскоре покинула его голову и на смену ей пришло ощущение покоя. Он расслабился и поставил лицо лучам летнего солнца..

– Примите мои соболезнования, господин Кожемяка. – голос раздавшийся сверху буквально встряхнул его мозг, заставив подскочить на лавке и открыть глаза. Перед ним, в божественном сиянии парил совсем немолодой незнакомец в длинном твидовом сюртуке и галстуке с золотой булавкой в виде птицы-пересмешника. Было ощущение, что старик на мгновение задержался на этой аллее, перед тем, как отправиться дальше в мир иной.

– Вы кто? – спросил Александр стараясь разглядеть незна-

комца в лучах солнца.

– Разрешите? – сказал незнакомец своим скрипучим голосом, указывая шляпой на место рядом с Александром на лавке.

Александр отрицательно дёрнул головой и выставил вперёд руку, давая понять, что хочет побыть один.

Старик игнорировал его жест. Он приблизился плотную к Александру и проговорил почти скороговоркой:

– Прошу вас... Меня зовут Фёдором Яковлевичем Калашниковым. Я фабрикант.. Я из России и у меня есть к вам хорошее, выгодное предложение.

Александр посмотрел на старика.

Говорил тот почтительно, наклонившись вплотную к собеседнику и держа шляпу обеими руками.

«Что-то многовато сегодня предложений». – промелькнуло в голове Александра. Чтобы проверить свою догадку он спросил:

– Случаем не по поводу отцовской рукописи?

Теперь настала очередь дёрнуться фабриканту. Такое выражение лица Александр видел на опытах ученика инженера Теслы, которого ударило разрядом при демонстрации чудесных свойств природы тока. Впрочем, Фёдор Яковлевич, в отличие от несчастного ученика, быстро пришёл в себя и кисло кивнул:

– Вы правы. Я хочу купить рукопись вашего отца.

– Увы, но это невозможно. Я обещал её другим людям. – холодно ответил Александр, и полагая, что на этом разговор закончен, попытался встать, чтобы уйти. Фабрикант, чувствуя, что надежда заполучить предмет его вожделений уплывает, потеряв, вместе с надеждой, последние приличия, со страстью молодого любовника, бросился к Александру на скамейку и настойчиво стал хватать его за фалды пиджака.

– Продайте мне артефакт, я вас заклинаю всем святым... Назовите цену! Я заплачу... Любые деньги... – молил он своим простуженным, хриплым голосом протягивая руки к бархатному галстуку Александра. Бывшему спортсмену без труда удалось перехватить его запястья и оттолкнуть надоедливового незнакомца. Тот сник и явно был не в себе, он тяжело дышал и, приложив руку к груди, тревожно озирался вокруг. В Александре проснулась жалость. «Как бы не помер». – подумал он, и подняв старика с лавочки, отвёл к ближайшему навесу кафе.

– Эта рукопись начальная часть единого целого. – отдышавшись под навесом и придя в себя сказал старик-фабрикант Фёдор Яковлевич. Он отказался от кофе, сославшись на больное сердце и попросил принести водки.

– Монах Иероним проповедовал celibat и не имел детей. Он разделил свою закодированную рукопись среди выбранных им хранителей. Моим предкам досталась часть рукописи... У вас ещё одна, где-то есть третья... составив вместе все три части можно вычислить место хранения сокровища.

– А-а,.. Золото Ацтеков. .. Сокровища тамплиеров?... – Александр улыбнулся понимая, что его разыгрывают.

Но старик, не заметив явного веселья в глазах Александра, пояснил:

– Нет, – это Либерей.

– Что!?

– Библиотека Ивана Грозного. – Фёдор Яковлевич поднял принесённую стопку и привычным движением отправил её содержимое в просвет между закрученными усами и седой профессорской бородкой, затем продолжил немного осипшим голосом – Я повторяю: мо прапрадед имел торговлю в Москве, он получил одну из частей рукописи, другую – твой предок, опричник Ерофей Кожемякин; третью – инок Сергиева монастыря.

Фабрикант погладил свою бородку, поглядел на пустую стопку и, увидев пробегающего мимо официанта, попросил ещё водки.

– Что дальше? – спросил Александр, глядя вслед удаляющемуся халдею.

– Хранители – наши предки всегда имели связь между собой. Это было неизменно на протяжении двухсот лет правления Романовых до настоящего времени. – Фёдор Яковлевич поднял палец вверх как бы акцентируя сказанное и перешёл на шёпот:

– Все, кроме третьего хранителя, чья ветвь прекратила контакты после пожара Москвы 1812 года. – старик гово-

рил тихо, наклонившись к молодому человеку с заговорщи-
ческим выражением лица и озираясь вокруг, словно боясь,
что кто-то подслушает и поймёт его русский бред. Он, вдруг,
схватил Александра за лацкан, и притянув к себе, разгоря-
чившись, вскрикнул:

– Кому ты обещал рукопись отца? Её можно вернуть?

Александр, поняв теперь для чего отец отправил его к ре-
дактору, отрицательно покачал головой:

– Увы, рукопись купила мне свободу. Она теперь у редак-
тора «Антика».

– Погано. – сокрушённо покачал седой головой старик. –
И сетку тоже... продал..?

– Какую сетку? – спросил Александр ничего не понимая.

– Так отец ничего не сказал тебе? – облегчённо вздохнул
фабрикант. – Ты поищи в бумагах отца...

Видя, что Александр всё ещё далёк от озарения, терпели-
во начал объяснять, что сетка – это ключ к расшифровке, по-
хожа на листки рукописи, только вместо букв у неё прорези.
Сетки были намерено перепутаны, чтобы не возникло иску-
шение... ну, узнать, то, что хранителю знать не положено.

Э-эх ! – Калашников раздражённо ударил себя руками по
худым коленкам. – Как жалко, что первая часть попала в чу-
жие руки! Ну да ладно. Без ключа никому не расшифровать
её, а я немедленно приму меры, чтобы моя часть не сгину-
ла. – Фёдор Яковлевич заторопился, протянул Александру
визитку и объяснил, где искать его в Париже.

Раскланявшись, он побрёл прочь по бульвару, сияя венчиком седых волос и держа шляпу на отлёте, словно прощальный жест. Вскоре он затерялся в толпе. Александр немного посидел, переваривая полученную информацию, затем встал и отправился в направлении бульвара, где находилась редакция.

В кабинете редактора, кроме Рене, сидел спортивного вида мужчина в кожаных штанах и модном щегольском френче./ Европа с началом войны предпочитала в моде стиль «милитари»/. На мужчине была автомобильная кепка, из чего Александр заключил, что новенький спортивный «Пежо», стоявший у входа в редакцию, принадлежал хозяину кожаных штанов и этой кепки. Редактор, как-то по-особенному, поглядев на Александра, представил незнакомца тихим голосом суфлёра:

– Прошу любить и жаловать, – Ален Ришар.

Александр с настороженностью посмотрел на обладателя «Пежо», но кивнул в знак приветствия. Что-то неприятно насторожило его во взгляде автолюбителя. Присев на предложенное редактором место и положив руки на стол, он с вызовом посмотрел на Рене ожидая продолжения сделки. Тот понял взгляд молодого человека и молча достал чековую книжку. Аккуратным почерком редактор внёс оставшуюся сумму,

но ставить подпись не торопился. Поглядев на Александра холодным и совсем не отеческим взглядом, он проговорил медленно и четко выговаривая слова:

– Прежде чем я подпишу ваш чек, я хотел бы прояснить ситуацию. Ваш отец, желая вас спасти, предложил мне артефакт, отданный на хранение вашей семье, а так же рассказал о всём том, что касалось тайны Либереи. Тем самым он нарушил договор, заключённый много лет назад. Нам стали известны все обстоятельства связанные с утратой библиотеки, и с тех пор мы следим за известными нам фигурантами этого дела. Но суть не в этом..– Рене подошёл к большому несгораемому сейфу. Открыв дверцу, достал из его недра знакомый Александру свиток.

– Проблема заключается в следующем: – сказал он бесцветным, казённым голосом – без ключа эти листки просто макулатура – дорогая... но всё же макулатура.

Александр ощутил в этих словах скрытую угрозу.

– Я не совсем вас понимаю. Вы что отказываетесь платить?

На миг он почувствовал, как уплывают деньги, вместе с надеждой выкарабкаться из долговой ямы, но вспомнив, старика-фабриканта, осмелел:

– Если так, давайте расторгнем сделку. – бывший поручик был явно готов сражаться за свои интересы. – Я настаиваю! Верните мне рукопись – она дорога мне, как память!

Лицо редактора приобрело землистый оттенок и он зама-

хал руками.

– Ну что вы, что вы! – воскликнул он. – Речь совсем не об этом. Просто у нас к вам серьёзное предложение. – Рене поспешно собрал листки и убрал рукопись обратно в сейф.

– В чём оно? – спросил Александр понимая что рукопись назад ему никто не отдаст.

– Я хочу взять вас к себе на службу. – глядя на свои вычищенные до блеска туфли, сообщил редактор.

– В качестве кого?

Рене отошёл от сейфа и встал напротив Александра.

– Вы и мсье Ришар поедете в Россию в качестве журналистов освещать события революции, а заодно искать потомков одного из трёх хранителей, о которых упоминал ваш отец и которых никак не мог найти Фёдор Яковлевич Калашников, хранитель одной из частей рукописи, с кем вы имели честь беседовать не далее, как две четверти часа назад.

– Где их искать!?! – воскликнул Александр – Старик сказал: связь с ними была потеряна много лет назад!

Рене победоносно взглянул на Кожемяку:

– Успокойтесь, всё не так сложно – мы нашли следы потомков инокa Василия.

Глава 2

Поздно вечером того же дня Рене вызвали в Пале Рояль на улицу Риволи, где Раймон Пуанкаре имел тайную квартиру на втором этаже большого дома, расположенного напротив сада Тюильри. Обычно собрания Ложи происходили по заранее оговоренным условиям и срокам, где, будучи секретарём, именно Рене доводил до сведения членов организации информацию о времени следующего заседания. Звонок и срочное приглашение посетить место тайных собраний насторожили редактора. Он с сожалением покинул тёплое пространство между одеялом и шелковой простынёй, нагретое супругой Сарой, и проклиная злополучный звонок, отправился на встречу с членами парижской ложи.

В свете модной электрической люстры, собравшиеся в зале люди выглядели уставшими и раздражёнными. Это был ближний круг президента – члены масонской ложи, которые одновременно являлись ключевыми министрами правительства Третьей Республики. Редактор протиснулся между военным министром и министром промышленности, подошёл к сидящему во главе стола Пуанкаре и, наклонившись, вопросительно посмотрел в его серый глаз за моноклем в золотой оправе.

– Что случилось, Раймон? – спросил он тихо, но настойчиво. – Чем объяснить этот внезапный аврал?

– Немного терпения, мой дорогой Рене, скоро ты всё узнаёшь. – ответил Пуанкаре, и обратившись к пятерым членам ложи, видимо собравшихся досыпать стоя, сказал, как можно убедительно и настойчиво. – Господа, давайте уже начнём.

Пятеро министров не спеша расселись по своим местам за роскошным «ампирным» столом на двенадцать персон.

– Дело, по которому я вас собрал, действительно, не терпит отлагательств. – Пуанкаре выдержал паузу и продолжил: – Вы все в курсе, что наши войска вместе с англичанами потерпели сокрушительное поражение на «Линии Зигфрида». Увы, генерал Нивель не оправдал наших надежд..

Министры застыли, выжидая, что последует за этим утверждением. Пуанкаре продолжал:

– Мы потеряли 122 тысячи наших солдат и пять тысяч русских, выступивших на нашей стороне. Так же мы не досчитались 132 танка и триста самолётов. Нам пришлось отступить. Сейчас на всех фронтах передышка. Но это не долго. Мы опять собираем силы и скоро ударим с ещё с большей силой. С завтрашнего дня мы начинаем подготовку к решающему сражению. Всем вам придётся здорово поработать.. – Президент обвёл всех требовательным взглядом и его монокль хищно блеснул в свете электрической многоламповой люстры. Голос президента окреп и в нём появились железные нотки.

– Мы победим и война скоро закончится. Но после этого

у Франции останется старый враг – Россия. Она ослабла и нам нужно навсегда вырвать у неё зубы. Для этого необходимо делать всё, даже, на первый взгляд, не имеющее прямого отношения к её экономической и военной составляющей. – Пуанкаре усмехнулся, – Подойдёт и подпорченное реноме.

За столом оживились, кто-то рассмеялся. Президент продолжил:

– В связи с этим мы задумали неплохую операцию, целью которой является поиск неких документов, способных нанести существенный урон российской государственности. Для этого мы отправляем двоих агентов в Россию и я хочу, чтобы каждый из вас, по мере своих сил и возможностей включился в это предприятие.

Пуанкаре любивший слово и обладавший даром произносить длинные прочувствованные речи говорил ещё около получаса. Когда он умолк и объявил собрание закрытым, собравшиеся с облегчением стали покидать квартиру, торопясь по своим домам, в надежде закончить оставшуюся часть ночи в свих постелях. Пуанкаре попрощался со всеми, но у выхода перехватил руку Рене и попросил задержаться. Вдвоём они вернулись в зал, где сидел министр Внутренних Дел Третьей Республики Луи Мальви.

– Теперь о главном. – президент вздохнул и не сдержался. – У нас чертовски плохие дела... Луи доложите.

Министр внутренних дел открыл коричневую, тиснёную золотом папку и сказал.

– Сегодня вечером наш подопечный, Калашников Фёдор Яковлевич, был обнаружен мёртвым у себя в номере. Нашла его, кастелянша, которая должна была принести ему чистые рубашки. На стук в дверь никто не отвечал и она заглянула в номер. Там у окна увидела Калашникова, лежащего на полу с торчащим из шеи ножом для резки бумаг. По всему номеру были разбросаны вещи: видимо преступник спешил и нервничал. На крики кастелянши прибежали охранник и администратор отеля. Тот позвонил нам. Мы тщательнейшим образом осмотрели место убийства, облазили каждый уголок номера, но рукопись не нашли.

– Но кто...как? – у редактора перехватило дыхание от этой новости. Он был уверен, что всё под контролем и сейчас, когда все так удачно складывалось, появление третьей стороны было как удар грома при ясной погоде. – Откуда информация... и как кто-то мог узнать о нашей операции?!

– Как – это нам предстоит выяснить позже. – задумчиво протирая пенсне, проговорил Пуанкаре. Он водрузил пенсне на место и перевёл взгляд на министра Внутренних Дел. – Сейчас нам надо узнать, кто стоит за убийством и куда делась рукопись.

Луи Мальви закрыл папку.

– По данным опроса персонала отеля: Калашников вёл замкнутый образ жизни. В день убийства, после контакта с Кожемякой, филёры проводили его до дверей гостиницы, откуда он больше не выходил. По словам портье: старика иногда

навещала внучка Елизавета Калашникова. Была она и сегодня, только не долго, и ушла около трёх часов дня.

— Её срочно надо найти и допросить.— с нетерпением произнёс президент.

Мальви развёл руками и вздохнул:

— Это невозможно, господин президент. Сейчас она уже пересекла границу Германии.. В шесть часов вечера она села в поезд «Париж—Петроград».

Пуанкаре сделал знак, который на языке парижских клошаров означал: «конец всему» и прокомментировал ситуацию в более приемлемой интерпретации на русском:

— Куда ни кинь— всюду клин!

Блеснув знанием русских поговорок, глава Третьей Республики подытожил.

— Итак. В сухом остатке имеем один труп, пропавшую часть рукописи, и возможно, крота, который сливает кому-то информацию.

В голове у Пуанкаре завертелась ещё одна русская пословица: «Утро вечера – мудрее», но он решил, что одной поговорки будет достаточно и сказал просто: – Это ужасно, господа...

Александр проснулся поздно. Вчерашние события выбили его из колеи и к вечеру он естественным образом залип

в одном из ночных заведений на большой и веселой улице Сен-Дени. Там он изрядно выпил и как вернулся домой не помнил.

Он поднял голову со всклокоченными волосами и оглядел блеклые обои меблированных комнат, где он прожил с отцом последние два года после своей отставки из армии. По расположению солнечных пятен на стене понял что уже далеко не утро. За стеной малыш-Юсуп отчаянно ругал кого-то на своём восточном языке сдобренным французскими междометиями. Получалось очень красочно. Юсуп торговал марокканскими коврами и тканями в своём магазинчике расположенном тут же, на нижнем этаже доходного дома в центре Монмартра. Сегодня была пятница —

священный день, но Юсуп не спешил открывать свой магазин. Ночью кто-то проник в общий коридор и украл подшивку газет и журналов, которые были выставлены в коридор, чтобы не захламлять пространство квартиры Юсупа. Вместе с подшивкой исчезли и хромовые сапоги турка, что большей степени возмущало марокканскую жену Юсупа, которая также кричала всё утро, понося последними словами нечистых на руку соседей. Александр вспомнил, что возвращаясь поздно ночью, он споткнулся о баррикаду из обуви и макулатуры наваленную у его двери. «Так тебе и надо» — мстительно подумал Александр. — «Сколько раз было говорено: прибери свой мусор».

Перебирая события вчерашнего дня, он припомнил сло-

ва фабриканта о какой-то сетке, с помощью которой можно было расшифровать послание закодированное в рукописи Иеорнима. «Сетки специально перепутаны» — кажется так говорил Фёдор Яковлевич. Александр вскочил с кровати, и продрав глаза, подошёл к столу, где ворохом лежали бумаги отца. Тот на склоне лет увлекался астрологией и стол был завален рулонами карт, гороскопов и диаграммами движения планет. Он пробежал взглядом собственную натальную карту, составленную отцом за несколько дней до смерти. Из расположения звёзд и планет начерченных на плотной бумаге Александр ничего не понял, но гороскоп ему не понравился. В поисках сетки-ключа он облазил весь рабочий стол, заглянул в шкаф с книгами, и ничего не обнаружив, уже собрался бросить эту затею, как взгляд его остановился на кальках размером с формат рукописи, на которых были нарисованы разноцветной тушью кружочки планет разного диаметра. Это были кальки с его натальной карты. Количество их оказалось равным количеству листов рукописи, из чего Александр предположил, что они вполне могли быть ключами к расшифровке. Возможно таким способом отец решил замаскировать сетку под гороскопы. Эту находку он решил показать Калашникову и, не откладывая отправился в отель «Виктория», где проживал старик-фабрикант.

В вестибюле гостиницы Александр почувствовал особую нервозность персонала и поднявшись на этаж, где жил Калашников, увидел, что дверь в номер старика была откры-

та настужь. Заглянув в комнату, он увидел двух горничных убиравших разбросанные вещи и книги в два больших чемодана, стоящих в центре комнаты. На вопрос Александра: — «Где хозяин?», горничная посмотрела на него круглыми от страха глазами и сказала:

– О месье, нам запрещено разговаривать с посторонними на эту тему. Вы наверно знакомый убитого... – она осеклась на полуслове и зажав рот руками, замахала руками. – О, пожалуйста месье... полиция запретила говорить об этом,... пожалуйста месье, вам лучше уйти... Прошу вас!

Сказанное девушкой было словно гром среди ясного неба. После некоторого оцепенения, длившегося несколько секунд, Александр почувствовал, как нарастает в нём волна паники. Сковавший его тело страх, пробежал неприятным холодком по спине и засел в животе тяжёлым комом. Ноги сами пришли в движение, он молча развернулся, и будто движимый чьей-то невидимой волей, побежал прочь. В голове повторяющимся рефреном звучало: – «Вот это да... Вот это да...»

Он пробкой вылетел из отеля, совершенно ничего не соображая и не видя вокруг. Пробежав с десятков метров, он чуть не попал под знакомое «Пежо», которое рвануло следом за ним от дверей злополучного отеля. Поравнявшись с Александром, Ален Ришар, сидевший за рулём, кивнул ему со снисходительной улыбкой и поинтересовался:

– Далеко бежим?

Александр остановился и смерил агента взглядом полным презрения и ненависти:

– Вы животные! Что вам сделал несчастный старик?... – он задохнулся от возмущения и теперь был готов на всё, даже применить на практике все свои навыки в кулачном бою.

Ален откинул дверку авто и сказал примирительно:

– Мы здесь не при чём. Садитесь, редактор ждёт нас.

Поколебавшись Александр сел в автомобиль.

Первое, что сообщил Рене, встретив расстроенного Александра, было заверение в том, что к убийству хранителя он не имеет никакого отношения. Настроение редактора тоже было изрядно попорчено. Выражение досады на его лице, появившееся с утра, после известия о том, что идиот-шпик, наблюдавший за квартирой Александра, зачем-то украл подшивку старых журналов, было усугублено полнейшей неясностью обстоятельств вчерашнего буйства. Усадив новоиспечённых журналистов, имевших к древнейшей профессии весьма косвенное отношение, редактор перешёл к детализации плана.

– Завтра вы едете в Петроград. – начал он, стараясь придать своему голосу весомую долю железа, и донести до агентов серьёзность предстоящей миссии. – Билеты, подорожные, и жалованье за три месяца получите перед отправкой в Россию. Ваша первая задача: найти там внучку Фёдора Яковлевича Калашникова Елизавету и выяснить, где находится исчезнувшая часть рукописи. Вторая, скрытая задача: ин-

формировать редакцию журнала о положении истинных дел в городе, о настроениях в войсках и в правительстве. Другими словами поработать внештатными агентами. Редактор, вспомнил недавнюю шутку услышанную в Елисейском дворце, он не удержался и сказал, что только, африканские племена не имеют сейчас резидентуры на территории России.

– Шпионят все. – сообщил он. – И в этом нет ничего зазорного.

Закончив свой монолог, Рене развёл руками и рассмеялся шутке насчёт африканцев. Но он ошибался – в семье министра юстиции Временного правительства Александра Зарудного, служил арапченок, который регулярно докладывал в посольство Конго сведения имеющие гриф: «Совершенно секретно».

– Что нам делать когда мы найдём Калашникову? – спросил Ален явно скучая. Он не верил в существование клада и конспирологические построения редактора. – Она, похоже, не имеет отношения к этому убийству.

– А я вообще ничего не понимаю: зачем ехать, зачем искать эту внучку, причём здесь я? – сказал Александр теряясь в догадках. Он действительно был далёк от темы, он хотел получить свои деньги и совсем не хотел участвовать ни в каких поисках.

Редактор понимающе качнул головой:

– Да, вы не в курсе.. Но, похоже, внучка фабриканта увезла рукопись в Петроград. Это пока только предположение,

но оно более оптимистичное, чем если бы рукопись забрал убийца.

Через некоторое время в голове у поручика начало проясняться. Он вспомнил последние слова старика и кажется понял, что он имел в виду, говоря о мерах, которые нужно принять.

– Похоже, что Фёдор Яковлевич успел... – неожиданно для себя проговорился Александр, и увидев устремлённый на него взгляд редактора, пояснил.

– Когда он узнал, что отец умер, то захотел приобрести мою часть рукописи. Он понял, что предназначение её раскрыто и решил принять меры...

Редактор хитро прищурившись посмотрел на Александра и задал вопрос, в котором явно чувствовался подвох:

– Я правильно информирован, что ваш дедушка был герой войны и декабрист?

– Да. – ответил Александр, пока не понимая куда клонит Рене.

Рене встал и подошёл к молодому человеку, и наклонившись к его аккуратно уложенной шевелюре, проговорил еле слышно ему на ухо:

– Когда он, после неудавшегося восстания, бежал во Францию – Франция приняла его. Это верно?

– Да, насколько мне известно – это так. Он присягнул Франции.

Редактор выдержав паузу, направился обратно к своему

столу, сел и закончил тоном ментора:

– Вот, поэтому, вы завтра отправитесь в Россию и будете делать там всё, что пойдёт на благо Франции.

Редактор обернулся к Ришару:

– Теперь вопрос к вам, мсье Ален...

Александр, получив урок долга и чести, сидел и переваривал услышанное, наблюдая, как редактор, который переключившись на Ришара, обсуждал детали предстоящей операции.

В этот момент, без стука, в кабинет заглянула молодая сотрудница редакции. Её игривая улыбка погасла, едва она увидела, что редактор не один. Она извинилась и уже хотела закрыть за собой дверь, как Рене окликнул её:

– Что тебе, Мартин?

Девушка нерешительно замялась в дверях, но поняв, что отступать поздно, она сказала обращаясь к Рене:

– Я принесла статью о собаках в Булонском лесу... Ну ту, что вы обсуждали со мной вчера вечером.— обворожительным в голосом произнесла журналистка и слегка покраснела.

Редактор деревянным голосом подтвердил:

– Да, да... помню, оставь её, пожалуйста, на столе. Я прочту и мы потом с тобой всё обсудим.

Девушка с модной стрижкой «а-ля гарсон» прошла по персидскому ковру и положила несколько листов на край стола. В кабинете повисла двусмысленная пауза. Все смотрели, как стройная визитёрша, которая несколько диссониро-

вала с деловой обстановкой кабинета, развернувшись, породистой походкой направилась к выходу.

– Мда, вот такие вот у нас кадры.. – задумчиво протянул редактор, когда молодое дарование вышло за дверь.

– Мда, – ещё раз повторил Рене и взгляд его стал осмысленным, – Но вернёмся к нашим баранам.

Он посмотрел на сидевших перед ним сотрудников:

– Вы двое, ... чтобы вас уже завтра не было во Франции.

На следующий день, ближе к вечеру, новоиспечённый французский журналист с русской фамилией Кожемяка уже топтался на перроне Восточного вокзала у вагона № 5 поезда «Париж-Петроград». На вокзале стояла беспорядочная суматоха, которую трудно спутать с любым другим человеческим действием: люди отправлялись в путешествие. Здесь был весь набор человеческих судеб, чувств и эмоций – Надежда, Боль, Радость, Слёзы и Расставание. Люди нагружённые баулами, чемоданчиками и кофрами стекались сюда со всего города. Вся эта масса, оторвавшись от насиженных мест, в едином порыве стремилось к вагонам. Пассажиры первого класса делали это с достоинство, так как их багаж несли дюжие носильщики в серых фартуках с бляхами на груди. Они зычно кричали требуя «дорогу» и шли вперёд, расчищая дорогу важным пассажирам. Те, кто ехал вторым

классом, несли своей багаж сами и довольствовались купе попроще, а так как третьего класса не было вовсе, желающие могли ехать на крыше, как это делали в России и Польше.

Александр увидел Ришара, когда тот подошёл к нему вплотную. В одной руке Ален держал большой баул, а в другой трость. Только теперь Александр заметил, что агент немного хромот. Они предъявили свои билеты внушительному стюарду в серой униформе и вошли в вагон. Как и полагалось в вагоне первого класса на полу была расстелена симпатичная ковровая дорожка, а на окнах коридора имелись жалюзи, которые при необходимости, можно было закрыть. Найдя своё купе, наши герои побросали багаж и подошли к окнам выходящим на перрон. Ален, открыв окно, закурил. Александр смотрел на сутолоку последних минут, всегда усиливающуюся перед отправлением поезда. Он увидел, как мимо пробежал сомнительного вида мужчина с большим коричневым чемоданом, а за ним, с большим отставанием, толстый полицейский, который с надрывным хрипом боролся с отдышкой. Парочка на перроне, напротив окна обнималась, не обращая ни на кого внимания. Они прощались. Увидев офицерскую русскую бекешу, надетую на мужчину, Александр признал в нём молодого офицера из Русской бригады, вернее, той уцелевшей её части, что осталась после поражения на «Линии Зигфрида». Они стояли обнявшись пока проводник не дал третий гудок. Офицер оторвался от возлюбленной, и подхватив свой кофр, прыгнул на ступени ва-

гона. Поезд дернулся, по вагонам пробежала дрожь. Офицер, покачнувшись, устоял в дверях вагона и когда поезд, набирая скорость, двинулся в путь, послал воздушный поцелуй девице стоящей на перроне. Вокзал вскоре остался позади. Поезд, гремя на стыках, перебрался на главную колею, и хлопнув дверью тамбура, офицер улыбаясь подошёл к псевдожурналистам, радостный, возбужденный и безумно молодой.

– Господа, я счастлив представиться, – сказал он шутливо сделав реверанс, —подпоручик Якушев, Олег Алексеевич – прошу любить и жаловать. – подпоручик счастливо рассмеялся, как мальчишка, подмигнул и добавил:

– Чур я проставляюсь!

Александр переглянулся с Ришаром. Тот пожал плечами, мол: почему нет? От слова произнесённого, до выпивки, – дистанция весьма короткая. И вот на столике купе – коньяк и шпроты. Не прошло и получаса, как журналисты, уже знали всё о графе Якушеве и его большой дружной семье. О том, с какой радостью встретят дома вернувшегося с того света, выжившего русского солдата. Подпоручик быстро захмелел, и когда Александр с Ришаром вышли проветриться, он мирно заснул на диване Кожемяки. Делать нечего – Александр переселился в соседнее купе. Ночью ему не спалось, в купе было душно, он вышел в коридор и прильнул лбом к холодному стеклу. За окном была вселенская темнота, лишь кое-где мелькали огоньки в домах: где-то этой ночью не спали.

Он вглядывался в черноту ночи и в голову лезли мысли о необъятности мира, казалось, что не поезд, а он летит в ночи, подобно демону с картины больного русского художника и на ум приходили стихи другого русского: «печальный демон, дух изгнания...»... Часа в два Александра сморило, он ушёл в купе, лёг на место подпоручика и тут же уснул.

Утром он проснулся от того, что поезд резко дернулся и остановился. Диван напротив пустовал. Война вносила свои коррективы и вагоны первого класса были едва заполнены на треть. В Европе, опалённой войной, путешествовали только самые смелые или те, кому ехать было «в край». Александр посмотрел в окно и увидел санитарный поезд из которого выгружали раненых. Похоже в Германии дела шли не очень. Александр попытался глотнуть: во рту было ощущение, что там всю ночь гадили мерзкие коты, нёбо здорово пересохло и хотелось пить. Поискав глазами минералку на столике, он вспомнил, что вчера подпоручик наведывался в своё купе и притащил две бутылки «Луи Перье». Александр встал с дивана, и пошатываясь, побрёл в своё купе, где спали вчерашние собутыльники. Первое, что бросилось ему в глаза – были валяющиеся на столе пустые бутылки и неестественная поза подпоручика Якушева. Он лежал выгнувшись дугой на диване, том самом, на котором должен был лежать Александр. Застывшие глаза его смотрели на угол столика, а из груди торчал предмет похожий на спицу.

Остатки хмеля мигом покинули голову Александра, он

бросился к спящему Ришару. Тот проснулся мгновенно, будто не спал вовсе, и увидев над собой растерянного поручика, спросил:

– Что?

– Ален, у нас... похоже, убийство...

Глава 3

Елизавета Яковлевна Калашникова была очень современной и образованной девушкой. В 1915 году, сменив белую униформу «Смольного» на триколор суфражисток, она уехала к деду в Париж, где активно включилась в движение и однажды чуть не попала в полицию, за участие в акциях Розы Люксембург. Однажды, на одном из митингов, она встретилась с соратником Владимира Ульянова, который доходчиво объяснил ей, что быть богатым – плохо. Она увлеклась этой идеей и даже посетила собрание маленькой партии, называвшейся почему-то «большевистской». Дед не одобрял её увлечения, но внучку любил очень и позволял ей многое. Поэтому Лизу удивила и даже напугала та безапелляционностью, с которой он приказал ей срочно выехать в Россию. В дороге он дал саквояж, в котором, кроме червонцев и валюты, лежал продолговатый кожаный пенал, обмотанный тесьмой. Его было приказано хранить, как зеницу ока и передать отцу по прибытию в Петроград. Яков Фёдорович занимался делами семьи с тех пор, когда Фёдор Яковлевича ушёл от дел и поселился в Париже.

В Петроград Елизавета прибыла в полдень 17 августа 1917 года. Добравшись домой она побросала вещи посреди большой прихожей, скинула шляпку, модные ботиночки на каблучке французской мастерской «Рошана» и побежала в ка-

бинет отца, чтобы чмокнуть папеньку в его лоб все больше переходящий в лысину. После поцелуев и объятий, Лиза вручила отцу баул деда. Тот, достал футляр, и прочитав записку находившуюся там вместе с рукописью, тихо, чтобы не слышала дочь, проговорил с досадой:

– Выходит, охота началась...

Затем повернулся к дочери и поинтересовался не скрывая иронии:

– Ну как, ты ещё не нашла себе жениха в Париже? Или ваше женское движение против этих условностей!

– Папенька! – воскликнула Елизавета и обижено надула губки.

– Ну полно, полно... – примирительно проворчал Яков Фёдорович и достал из ящика стола золотую булавку в виде летящего пересмешника. – Вот возьми, она точно такая же, как у бабушки. Будешь носить её вместе со своим трёхцветным бантом. Как там у вас: фиолетовый/преданность/, белый/чистота/, зелёный/надежда/?

– Женщина равна мужчине. Мы за гендерное равенство. – с пылкостью революционерки ответила дочь.

– Ну да, сейчас гендерное равенство, а потом гендерная неразбериха! Сейчас вы хотите быть равными мужчинам, а потом кто-то из вас захочет поменять пол.

– Это как?

– Я не знаю, но если есть запрос общества, уж будь спокойна – досужие умы найдут способ, как всё сделать.

Лиза на мгновение задумалась, стараясь представить себя мужчиной.

— Нет, этого я думаю не случится,— сказала она убеждённо.

— Дай то бог.— вздохнул Калашников-старший.

Вечером Елизавета позвонила по номеру, который дала ей парижская подруга Камила Арден. Узнав, что Елизавета должна срочно отбыть в Россию, та попросила захватить посылочку для её знакомых, живших недалёко от Лиговки. Елизавета согласилась. От Васильевского острова до Набережной обводного канала Лиза добиралась достаточно долго. На дороге пролётку пару раз освистывали кучки солдат с явно недружественными намерениями, так что кучеру оставалось только молча петлять между стоящими на дороге не рискуя кричать: «Пади»!

Возле доходного дома с серыми стенами и облупленными колоннами парадного входа, который по случаю революции был закрыт, Елизавета отпустила извозчика и прошла через арку в колодец двора, где в одном из подъездов, находилась нужная квартира. Поднявшись на второй этаж она постучала в белую опрятную дверь с табличкой: «Доктор Бортич Э. И.». Дверь открылась и на пороге появился человек лет пятидесяти с чёрной, как смоль шелковистой бородкой и такими же ухоженными, загнутыми кверху, словно вызов обще-

ственному мнению, усами.

– Чему обязан? – спросил обладатель замечательных усов и бороды, внимательно и оценивающе разглядывая Елизавету.

– Я от Камиллы..– произнесла смутившись девушка. Ей сразу не понравилось бесцеремонное поведение бородача в летах.

– Ах да, Камила...– произнёс тот и крикнул кому-то в комнаты – Ирен, это к тебе!

Бородач ушёл и его место заняла девица в зелёном халате с жёлтыми птицами и домашних туфлях с каблуком. Девица, оценивающе оглядела Лизу, приветливо улыбнулась и сказала:

– Проходите пожалуйста, Камила телеграфировала мне. Вы – Лиза. Ведь правда?

Елизавета кивнула, осторожно вошла и протянула перевязанную шпагатом посылку. Поглядев в карие глаза Ирен, на всякий случай спросила:

– А вы Ирен?

– Да, – сказала девица, принимая свёрток.– Скажите, как там Камила? Она сообщила в телеграмме толь о том, что вы прибудете сегодня. Остальное, я надеюсь, вы расскажете мне за чаем. – Ирен проводила Лизу в столовую. Из комнаты, где находился кабинет хозяина таблички: «Бортич Э. И.», выглянул обладатель шикарных усов, но увидев сидящих девиц, скрылся обратно.

– Это мой отец, Эммануил Илларионович. – прокомментировала это мимолётное видение Ирен. – Он практикует на дому. Так, что Камилла?...

Елизавета рассказала, что с Камиллой познакомилась на собрании госпожи Панкхерст, которая, с подачи своего мужа, английского журналиста, подняла большую волну в Париже против дискриминации женщин. Сидя в столовой за чаем, Лиза поведала Ирен о деятельности Камиллы в общеевропейском движении суфражисток, стараясь вспомнить всё до мельчайших деталей. Получило достаточно ёмко и пафосно. В свою очередь Ирен поведала Лизе о том, что происходит в Петрограде. О том, с каким энтузиазмом и надеждой была встречена Февральская революция, какие высокие идеалы и задачи выступили на повестку дня...

– Сейчас, как никогда, женщины должны стать плечо к плечу рядом с мужчинами,... Грядут новые времена, новые отношения...

Они выпили по третьей чашке чая и Елизавета собралась уходить.

– А вы приходите к нам на кружок. – сказала на прощание Ирен, – Мы собираемся каждую среду и пятницу. Говорим, спорим, поём... Это недалёко отсюда, на Лиговке, дом 45, в квартире госпожи Алльпенбаум.

– Хорошо, я приду, – пообещала Лиза.

Через два дня, в среду Елизавета за завтраком спросила у отца, что он думает об недавнем отречении царя и создании

Временного правительства, о том, что будет дальше... Будут ли в новом правительстве представлены женщины? Говорят, что будут! Удивительное время! Что ты об этом думаешь?

Услышав это, Яков Фёдорович уронил вилку и внимательно, как-то с опаской и сожалением, посмотрел на дочь.

— Я думаю Фабрику придётся закрыть. — сказал он с сожалением и сарказмом. — Сеялки, похоже, нескоро понадобятся. В армии бардак, по улицам разгуливает сброд — анархисты, дезертиры, матросня! Львов несёт какую-то либеральную чепуху! стыдно и страшно! — старший Калашников схватил вилку и стал раздражённо тыкать ею в оливку. Не достигнув желаемого он, в сердцах, бросил вилку на скатерть.

— Мне, видимо, придётся смириться с этим. Иначе всё пойдёт прахом.

Схватив газету, он направился в кабинет так и не доев свой завтрак, но по пути туда остановился и попросил Дашу принести ему кофе. В тот день Елизавета больше не видела отца. После завтрака она ушла к себе и до обеда листала подборку газет «Русское слово», где прочла статью о первом съезде женщин России, а также о восстании в войсках, об отречении Великого Князя Михаила Александровича и многое другое, о чём с удивлением узнала впервые. Часам к двенадцати отец уехал на фабрику и Елизавета обедала в одиночестве, под недовольное ворчание кухарки о «временах антихриста» и «смуты». Наскоро поев, Лиза решила прой-

тись по городу и вдохнуть забытый воздух Питера. Выйдя из дома, лёгкими шагами девушка прошла по Первой линии к дворцу Меншикова, ощущая на лице влажный ветерок с Невы. Радостное состояние здорового тела и молодости подмывало её взлететь над улицей и отправиться в путешествие над любимым городом. На пересечении с Большим проспектом Елизавета остановилась, пропуская несколько грузовиков заполненных солдатами, оцетинившихся винтовками и штыками. Агрессивную группу замыкала легковушка итальянской фирмы «Ламборджини» с сидевшими в ней высшими армейскими чинами. Старушки, стоящие на тротуаре, позади Елизаветы, перекрестились и поспешили через дорогу в хлебную лавку Петровского. «Поехали, антихристы». — услышала она обрывки фраз проходивших мимо бабулек, — «В Таврический наверно..»

Выйдя на Университетскую набережную, Лиза повернула налево и пошла в сторону Кунсткамеры, возвышавшейся возле дворцового моста. Навстречу ей по проезжей части бежала толпа горожан выкрикивая проклятия и угрозы Временному правительству. Они бежали к казармам резервного лейб-гвардии Финляндского полка, который не признал нового правительства. Находившийся на 45 линии Васильевского острова резерв был вновь создан взамен сражавшемуся на Рижском фронте основному полку. Офицеры, не подчинившиеся приказу, выдвинулись в район Кронштадта для блокировки Кронштадского совета, объявившего себя един-

ственной властью в городе. Толпа схлынула в направлении Горного института и прохожие, застигнутые её потоком, отлепившись от стен, продолжили свой путь. Елизавета прошла до Дворцового моста и остановилась. Она смотрела на Английскую набережную, где сиял в солнечном свете шпиль Адмиралтейства, на Исакий и маленькую фигурку «Медного всадника» и в душе появилось чувство благодарности горожанам, прославившим этот город и ставших его судьбой. Она смотрела на легендарные камни, каждый из которых имел своё великое имя, и ей очень хотелось, чтобы и её камень тоже был здесь.

Ближе к вечеру, сказав Дарье чтобы к ужину её не ждали, Елизавета отправилась на Лиговку. В квартире Элеоноры Альпенбаум собралось порядка пятнадцати женщин разного возраста и социальных слоёв общества. Ирен представила Елизавету как подругу Камиллы, только что прибывшую из Парижа и этого было достаточно. Вокруг она увидела приветливые улыбки и звуки одобрения. Заинтересованные взгляды пробежали по её фигуре, облачённой в парижскую обёртку. Подали чай и какие-то сушки, – угощение не весть какое, но для разговора – в самый раз. Элен пригласила всех участников к столу, и когда члены кружка расселись, объявила:

– Сегодня мы будем обсуждать последний выпуск «Журнала для женщин». Надеюсь все читали?

За столом оживились. В глазах эмансипированных дам за-

жётся огонёк фанатизма. Элен продолжала:

– Недавно произошло событие, важность которого трудно переоценить. Я имею в виду Всероссийский Съезд женщин. Наконец, случилось то, к чему стремились все прогрессивные женщины мира – Мы объединились! Ура товарищи! – экзальтированные слова Элен потонули в овациях и выкриках: «Ура!».

Подождав пока восторг собравшихся поутих, Элен сказала:

– Вот что говорила председатель Петроградской организации товарищ Равикович. – Элен взяла газету и прочла длинный абзац, выделенный из речи главной феминистки Питера. Там говорилось о новом формате отношений в семье, о месте женщины в демократическом обществе и свальном грехе замаскированном под определение: «свободная любовь». Женщины, разогретые своими фантазиями, полукрыв глаза думали о лучезарном обществе свободных отношений. Им казалось, что там, в будуарах страсти познают они сокровенные знания высоких отношений... Когда Элен закончила, вместе с ней, похоже, закончила и половина посетительниц кружка. Потом собравшиеся обсудили фасоны моды, и под конец, получили полезные советы, как обойтись без прислуги.

Расходились поздно. Ирен предложила пройтись по засыпающему городу. Белые ночи потеряли свою силу и уже в двенадцать было темно. Они прошли до Николаевского

вокзала и Елизавета почувствовала, что Ирен как-то странно прижимается к ней, как-то более плотно, чем это положено в приятельских отношениях. Поначалу Елизавета подумала, что её знакомая озябла, но, посмотрев ей в глаза, она всё поняла:

– Нет, – засмеявшись сказала она. – Ты не по адресу, по-друга.

Они расстались на этой ноте. Елизавета поймала пролётку и всю дорогу домой веселилась от души, вспомнив случаи из жизни в Смольном институте. Девушки подверженные этой запретной страсти были известны наперечёт. На них смотрели, как на диковинных существ из другого мира. Но то, что было известно даже младшим классам, странным образом не доходило до ушей воспитательниц и администрации. Табу на стукачество и круговая порука были сильны в Смольном и «сексотам» пришлось бы не сладко, рискни кто-нибудь из них наушничать о том, что происходит в спальнях комнатах после отбоя.

Пролётка ехала по Невскому и возле Аничкова моста ку-чер остановился прикурить, но Елизавета поторопила его – до разведения мостов оставалось меньше получаса.

– Не бойтесь барышня, успеем, – проговорил баском ку-чер и дёрнул поводья.

В отличии от Лиговки, на Невском былолюдно: одни возвращались домой с гулянки, другие отправлялись в ночную смену, а кто-то, просто не мог спать в эту тёплую ночь. Про-

скочив без остановок проспект, пролетка выскочила на полном ходу на Дворцовый мост и через пять минут, остановилась у особняка фабриканта Калашникова. Расплатившись с извозчиком, Лиза вошла в подъезд. В доме было сумрачно и тихо. Пройдя коридор и прихожую, которые освещались электрическими рожками, Лиза вошла в полутёмный зал и тут только заметила в полуоткрытую дверь кабинета отца полосу света. «Надо же, не спит..» – подумала девушка, и направившись к себе, споткнулась о что-то большое и мягкое... Елизавета упала, и больно ударилась. Пересилив боль, она наощупь искала руками препятствие, о которое запнулись её ноги.

То, что она обнаружила повергло её в животный ужас – это была кухарка Дарья. Она лежала перед ней на спине и теперь Лиза поняла почему ей мокро и скользко стоять на коленях. Наконец она закричала, дико и громко. Скользя и падая, она смогла подняться с пола и попыталась бежать прочь. Она выбежала в прихожую, продолжая кричать и в это время сбоку что-то прилетело ей в голову.

Лиза пришла в себя от резкого запаха спирта. Она открыла глаза и скривилась от боли в затылке. В комнате было светло. Молодой мужчина давший ей понюхать спирт удовлетворённо хмыкнул и сказал, обращаясь к другому мужчине постарше:

– Порядок, внучка жива.

– Это есть хорошо, – ответил второй с прононсом: он был

явно французом.

Елизавета ойкнула и села на диванчике, куда её перенесли с пола.

– Вы кто такие и что здесь происходит?– спросила она оглядывая кабинет отца, но когда опять увидела лежащую на пороге в спальню кухарку, зажала рот рукой чтобы не закричать. Все было реально – и труп и шишка на затылке и эти незнакомцы в доме.

– Что происходит, я вас спрашиваю. Кто вы?– почти крикнула Елизавета, но осеклась наткнувшись на холодный взгляд француза. Тот продолжал методично обыскивать кабинет не упуская ничего из виду. Открученные ножки у стульев и кресел валялись вместе с вспоротыми обивками сидений и распотрошёнными книгами. Она перевела взгляд на молодого и с мольбой спросила:

– Так что же всё-таки случилось?

– Мадмуазель, вам ничего не угрожает, все самое страшное позади, – молодой человек посмотрел на тело кухарки и добавил со вздохом. – Но боюсь, это не единственная ваша потеря.

– Отец! – воскликнула в ужасе девушка.

– О нет, с отцом всё более-менее в порядке— он лежит в глубоком нокауте... Ваш дед погиб в Париже. Я сожалею.. – и молодой человек добавил: – У нас с ним было короткое знакомство.

Известие о кончине деда окончательно сломало Лизу. Не

в силах больше сдерживаться, она дала волю слезам. Незнакомец неуклюже пытался уговорить её прийти в себя, и это, вскоре, возымело действие: поплакав она, успокоилась. Посмотрев на незнакомца она вытерла слёзы и спросила:

– Кто вы?

Молодой человек принял официальную позу фигляра и щёлкнул по военному каблукам:

– Разрешите представиться, отставной поручик французского егерского полка, Кожемяка Александр Андреевич.

Глава 4

Конечно, это был он, граф Александр Андреевич Кожемяка, волей судьбы и французской разведки, посланный в Россию вместе с профессиональным агентом Ришаром. Оказавшись в двусмысленном положении недалеко от германо-польской границы, им пришлось проявить чудеса ловкости, чтобы исчезнуть за несколько минут до паспортного контроля на границе. Убитый Якушев остался лежать на диване, а наши герои исчезли в утренней дымке германского местечка Воншен.

Воспользовавшись туманом, они скрытно перешли границу и сели в этот же поезд уже на территории Польши. Они залезли в вагон второго класса и оттуда перебрались к обитателям «третьего класса» на крышу. Там они без особых тревог и удобств ехали почти сутки до Гатчины.

Елизавету нашли быстро. У Ришара были данные на семью Калашниковых, и несомненно, имелись особые инструкции касательно всех фигурантов операции, но Александр в эти тайные установки посвящён не был и свою роль в этой истории, представлял туманно.

Они взяли дом под постоянный контроль. В третьем часу девушка вышла из дома и направилась к Университетской набережной, где прогулявшись до Николаевского моста, вернулась домой и вышла только к вечеру. Она села в экипаж

и отправилась к Обводному каналу, район Лиговки. Когда соглядатаи сопровождали Елизавету до места, Ришар, вдруг, снял наблюдение. Он сказал, что необходимо ехать на почтамт. Александр возразил:

– Разве мы не должны следить за ней?

– Она уже никуда не денется, перехватим её позже. Не забывай, кроме девушки, у нас есть ещё и другие задания.

Александр умолк. Шпионить ему совсем не хотелось, но он помалкивал, надеясь в нужный момент повернуть ситуацию в свою сторону.

Ришар написал несколько телеграмм, явно используя какой-то шифр, из чего Александр понял, что не все в послания предназначены для чужих глаз. Отправив телеграммы Ален сокрушённо произнёс:

– Почему мы не можем воспользоваться телеграфом посольства? Ведь сколько времени теряем! – Ришар раздражённо покрошил корешки телеграмм в корзину с мусором, и направившись к выходу, произнёс без особого энтузиазма:

– Ну что же, теперь к нашей подопечной...

Ждать пришлось долго. Лишь в двенадцатом часу Елизавета покинула гостеприимный дом вместе с девицей одетой в цвета воинствующих суфражисток. Они пошли по Лиговскому проспекту в сторону Николаевского вокзала. Улица была пустынна. Держась на почтительном расстоянии наблюдатели пошли за девушками с видом прогуливающихся бездельников, глаза в окна и витрины магазинов. У вокзала про-

изошла сценка, суть которой они не поняли: девушки, вдруг, расстались и Елизавета лихо прыгнула в пролежавший мимо экипаж. Пока опешившие соглядатаи поймали свободного лихача, экипаж с Елизаветой скрылась в глубине Невского проспекта. Они попытались догнать беглянку, но подъехав к особняку Калашниковых, увидели пустую улицу. Ален сделал знак вознице подождать, подошёл к приоткрытой двери и заглянул внутрь. В парадной было темно. В этот момент из дома раздались громкие крики, что-то с грохотом упало, затем слышались шаги и стало тихо. Ришар достал «браунинг» и осторожно вошёл в парадную. Александр двинулся следом. Они миновали широкую лестницу, прошли в открытую прихожую, и включив свет, увидели лежащую без сознания Елизавету, а чуть далее тело женщины в луже крови. Александр услышал, как кто-то быстрыми шагами удаляется к чёрному входу, и схватив тяжелую каминную кочергу, устремился за погромщиком. Внизу на лестнице ведущей к чёрному выходу, он увидел мелькнувшие белые волосы, чёрную кожанку и сапоги для верховой езды, но, сбегав вниз во двор, никого не обнаружил. Погромщик исчез без следа. Александр вернулся в дом. Ришара он нашёл в спальне осматривающим лежащего возле кровати мужчину в пижаме и ночном фланелевом колпаке. Мужчина был без сознания. На правом виске его запеклась гематома, из чего было ясно, что напавший был левша. Они с трудом затащили грузного мужчину на кровать и вернулись в зал. Увидев, что прислу-

ге помочь уже нельзя, Александр отнёс девушку в кабинет и уложил на диван. От холодной воды из графина, Лиза пришла в себя.

Она провела рукой по лицу, и глядя, как Ришар уничтожает мебель, спросила:

– Что вы тут делаете? – её вопрос повис в воздухе. Незнакомцы не обращая на неё внимания продолжали обыскивать кабинет. Она спросила ещё раз, и уже совсем придя в себя, крикнула, вконец потеряв терпение:

– Мне кто-нибудь ответит, наконец!?

– Они ищут рукопись. – раздался еле слышный голос.

Елизавета и оба искателя приключений оглянулись и увидели в дверях Якова Фёдоровича, который с трудом держался на ногах и был бледен, как сама смерть. Он шатаясь прошёл к открытому ящику стола и упал без сил в кресло, которое ещё не успел разобрать Ришар.

– В этом ящике было то, что вы искали... – сказал он уставшим голосом, обращаясь к незнакомцам проникшим в дом.

Ришар метнулся к столу и заглянул в ящик стола – он был, действительно пуст. Издав звериный рык, и призывая на французском всех чертей, Ален с яростью вырвал ящик из ниши стола, и грохнув его об пол, несколько раз пнул его ногой. Насытившись мстостью, к ни в чём не повинному представителю мебельного ампира, француз успокоился и уже своим обычным голосом начал допрос хозяина дома:

– Опишите мне, как выглядели те, кто напал на вас. Сколько их было, как одеты. О чём говорили, что спрашивали... мне важно всё.

Яков Федорович задумался нахмутив лоб, затем потрогал висок, поморщился и сказал:

– Я видел одного. В смысле... нападавшего. Я помню он был высок и, по моему, альбинос.

– Кто? – не понял Ришар.

– Ну альбинос, человек с отсутствием пигмента... на теле и волосах.. как белая ворона... Он действовал и говорил быстро. Убил нашу кухарку одним ударом и даже не оглянулся. Бедная Дарья, если бы не закричала... – фабрикант сокрушённо покачал головой.

– Не отвлекайтесь пожалуйста – холодно сказал Рене. – Только факты.. Продолжайте.

Яков Фёдорович обречённо кивнул и продолжил:

– Своими действиями он напоминал вас – тоже рылся в моем кабинете и расспрашивал о рукописи. Вы тоже будете пытаться меня?

– Мы собирались купить у вас эту часть рукописи. Так же, как купили часть, которую хранила его семья... Он подтвердит.– Ален указал на Александра. Фабрикант бросил взгляд на предателя и Александру стало не по себе.

– Я об этом ничего не знал, – попытался оправдаться Александр, – Это мой отец купил мне таким образом свободу.

Ален посмотрел на Кожемяку и усмехнулся. Подняв с пола скомканную бумажку, он развернул её. Это был обрывок квитанции от телеграммы, такой же, как те, что он выбросил на почтамте в урну. На квитанции были указаны: номер заказа, номер телеграммы, число слов и место куда было отправлено послание. Внизу стояла размашистая подпись телеграфиста. Ришара заинтересовал адрес получателя: Париж 5-й Округ, ул Монж дом.. Дальше квитанция была оборвана и узнать кому была адресована телеграмма не представлялось возможным.

– Интересно, кто же обитает на улице Монж? — проговорил Ален вслух и посмотрел на старшего Калашникова.

– Не имею не малейшего представления. — ответил Яков Фёдорович и посмотрел на квитанцию в руках Алена, — Это не моё.

– Интересно, — протянул француз.

– Разрешите, — протянув руку, попросила Елизавета. Она прочла адрес написанный на квитанции и сказала: — Мне знакома эта улица. На ней находится дом моей портнихи госпожи Марсо и я не раз проходила мимо одного дома.. Кажется там живёт семья английских дипломатов... Фостер или Коснер...

Ришар забрал квитанцию и многозначительно посмотрел на Александра. Затем он обернулся к отцу с дочерью:

– Нам пора. Вам советую вызвать полицию и рассказать всё, что произошло этой ночью... И пусть это будет простое

ограбление.

Ришар поклонился и направился выходу. Александр последовал за ним. Уже у выхода он задержался в дверях:
– Мы ещё навестим вас.

Несмотря на то, что поиски второй части рукописи не увенчались успехом, наши герои не унывали. Они сновали по городу в поисках новостей, о которых Ришар регулярно докладывал в редакцию журнала «Антик». Дом, на улице Монж был проверен, но никакой связи с таинственным убийцей установлено не было. Там действительно жила семья дипломатического работника Тома Костнера, с дочерью-подростком и малолетним сыном.

К сентябрю настроение в городе серьёзно изменилось. На улицах мелькало всё больше чёрных бушлатов и серых гимнастёрок. 28 августа началось восстание, в котором участвовали солдаты Первого переименованного полка. Накануне Александр, по приказу Ришара находился в Кронштадте, где отыскиались следы потомков инок Василья. В списках личного состава 2-й бригады крейсеров Балтийского флота / флаг вице-адмирала Куроша/, нашёлся младший Трофим Васильев, который служил на крейсере «Громобой». Правда, увидеть его воочию не было никакой возможности – личный состав корабля в эти непростые дни находили в закры-

том режиме – увольнительные и посещение корабля были запрещены. Но когда появились гонцы из восставшего полка с просьбой о помощи, матросы, игнорируя приказ о невмешательстве, отправили двадцать человек в помощь восставшим.

Утром в расположении Первого пулеметного полка началась буза разогреваемая анархистами и большевиками. На плацу, взобравшись на грузовик, бесновался анархист Блейхман. «Долой Временное правительство!», «Нас организует улица!» – кричал он захлёбываясь от восторга и толпа шумно поддерживала его лозунги. Плац ликовал.

С трудом протискиваясь между серых гимнастёрок, Александр подошёл вслед за Ришаром к чёрной группе матросов стоящих на другой стороне плаца. Где-то среди них был Васильев. Они всматривались в бескозырки, ища надпись «Громобой». На глаза попадались «Аврора», «Рюрик», матросы с «Адмирала Макарова». Наши агенты-журналисты прошли дальше и, наконец, наткнулись на служивых с «Громобоя». Их было около двадцати, перевязанных пулемётными лентами и готовых ко всему матросов, явно, не читавших «апрельских тезисов». Затесавшись среди матросиков, агенты приступили к налаживанию контактов. Первую скрипку здесь полагалось играть Александру. Изобразив на лице приветливое выражение, он затесался в толпу матросиков и по-свойски прокомментировал одно из выражений Блейхмана, который совсем не стеснялся в них.

– Во даёт! – с восторгом закричал Александр на ухо соседу в бушлате.

Матрос закивал и закричал в ответ:

– Этот из наших, из анархистов...

Ришар увидев, что дело на мази, ободряюще кивнул на парнику и отошёл в сторонку, стараясь угадать в стоящей перед ним чёрной толпе, нужного человека. Поощрённый Александр нащупывал подходящую тему для разговора:

– Я тоже за анархию. За волю, за свободу без ограничений и условностей..

– Уважаю, – осклабился матрос и протянул руку, – Евсей.

– Дормидонт. – соврал Александр. – Покурим?

– А есть?

– А как же.

Новые знакомцы отошли к чугунной ограде и Александр угостил Евсея папиросой марки «Леда». Евсей подивился названию, но закурил. Разговор оживился. Можно было пробовать форсировать события.

– Мой родственник выращивает очень неплохой табак. Его во всей круге знают, как «Васильевский». Знаменитая, можно сказать фамилия. Редкая.. – Александр выдержал паузу, следя за реакцией матроса. Тот хмыкнул в ответ.

– Какая же она редкая? У нас на корабле тоже есть Васильев. Может он родственник твоему родственнику..

– Это вряд ли, – с уверенностью сказал Александр.

– Не факт, он тоже не из простых. Можем спросить у

него...

– Да ладно, не стоит, – Александр решил, что и впрямь не стоит так явно показывать свой интерес к объекту.

– А чё, вон он стоит. – не унимался Евсей. – Трофим, – заорал он, стараясь перекричать шум толпы, – Подь сюды.

Высокий блондин отделился от массы бушлатов и направился к Евсею. По пути он поправил винтовку поглядывая через плечо на грузовик, превращённый в трибуну, где бился в падучей Блейхман. Теперь Александр смог разглядеть его – он в точности походил на описание отца Лизы: светлый, высокий, походка быстрая... «Надо же, какая удача!». – пронеслось в голове Александра. Он оглянулся на Ришара. Тот стоял неподалёку, и просунув руку под пиджак, настороженно следил за блондином. Подошедший матрос бросил равнодушный взгляд на Александра и спросил у Евсея:

– Чего тебе?

– Да так... Вот разговариваем. Товарищ тоже из Васильевых...

– Ну и чё, едрён дон? – возразил верзила, – Васильевых знаешь сколько в России?

– Это точно, – поддержал альбиноса Александр, и воодушевленный недавним успехом, как будто невзначай, заметил, – Мы, например, из поповичей, другие из крестьянских кровей..., а кто-то, даже из дворян...

Уловка опять сработала!

Александр заметил, как изменился взгляд матроса, кото-

рый незамедлительно отреагировал.

– Во дела, мы тоже с братом из поповичей! А ты откуда?

– Я из Москвы, а ты?

Матрос заломил бескозырку на затылок и удивлённо посмотрел на Александра:

– Ух ты! Так ведь мы тоже из неё, едрён дон, только после пожара дед перебрался в Петербург. Выходит мы родственники? Ну я Трофим, а ты?

– Дормидонт. – опять соврал Александр, соображая что делать дальше. На убийцу Трофим не походил: взгляд мягкий, ресницы телячьи, разговор простецкий, открытый, без второго плана... нет, не похож он на хладнокровного злодея...

Возле трибуны зародилось беспорядочное движение, раздались возгласы идти к дворцу Кшесинской, где располагался штаб большевиков. Матросики задвигались, строясь в колонну.

– Пора, – сказал Трофим и протянул руку Александру, – ты не пропадай... ты всегда сможешь найти меня на «Громобое» или у «Кшесинской». Приходи покалякаем.

Восставшие двинулись на Каменоостровский проспект. Вскоре во дворе пулемётного полка, расположенного на территории Народного дома и бывшего дворца эмира Бухарского, остались только Александр с Ришаром и пара часовых у штаба.

На следующий день с утра основные силы восставших

Кронштадских моряков высадили на Университетскую и Английскую набережные в центре Петрограда. Пройдя по Биржевому мосту, а затем по Дворцовому, матросы перебрались на Петроградскую сторону, прошли через Александровский сад и оказались у дворца Кшесинской. Там, перед собравшейся огромной толпой, сменяя друг друга, несколько часов кряду, выступали Свердлов, Ленин и Луначарский, призывая свергнуть Временное правительство и передать всю полноту власти Советам.

Анархисты, ранее примкнувшие к Первому пулемётному полку тоже требовали свержения правительства и были готовы к решительным действиям. Их основной лозунг «Безвластие и самоустройство», вполне отвечал создавшейся в городе ситуации, где центры силы возникали спонтанно и росли как на дрожжах. Одним из таких центров стала Петропавловская крепость. Она была захвачена анархистами Первого пулеметного полка, которые, после митинга у «Кшесинской», шумной толпой пошли брать «казематы». Им помогли двадцать матросов с «Громобоя» среди которых был и Трофим Васильев. Идеи анархизма получили отклик в его сердце после последних событий на фронте, где, ломая вековую иерархию подчинения и жесткой дисциплины, полки сбивались в свободные образования, под началом выбранных толпой командиров. Трофим любил свободу и ему нравилась революционные перемены. Его не устраивало будущее, определённое волей отца – протоиерея Исаакиевского

собора, поэтому, закончив духовную семинарию, он сбежал на флот.

17 августа в десять часов утра, отпросившись у мичмана Лапина, Трофим покинул крепость и отправился на Петроградскую сторону. На Английской набережной, миновав парк с «Медным всадником», он прошёл мимо колон внутрь собора и углубился в один из приделов. За конторкой сидел пожилой протоиерей и писал что-то в большом журнале. Увидев подошедшего матроса, поп нахмурился и ещё ниже склонился над конторкой.

– Здравствуй, отец. – стараясь придать голосу теплоту, сказал посетитель.

– И тебе не хворать. – отвечал протоиерей. Похоже визитеру он был совсем не рад. – Как поживает твой братец-душегуб?

– Я его давно не видел. – ответил Трофим и, обидевшись на ледяной приём, заметил с укором. – Прошло столько лет, а ты всё не можешь простись нас. Зря, мы же твои дети. Где твоё смирение и всепрощение?

Протоиерей вскинул голову. Возмущение и боль, которые появились на лице духовника Великого князя Михаила Александровича, были явным подтверждением напрасных ожиданий и несбывшихся надежд.

– Не будет вам моего прощения! – вскричал отец Феофан. – Ни сейчас, ни завтра, ни на том свете. Вы оба заблудшие души... – голос старца вернулся в низкие регистры, в

нѣм слышались боль и усталость. – К стыду своему, должен признать, что труды мои прошли впустую.. Что дальше?.. Мне умирать, а кому я доверю тайну? Двум изгоям веры и государства!?. Этому не бывать! – протоиерей выпрямился и, сверкнув глазами на Трофима, сообщил – Поэтому я решил. не вам, предавшим мои усилия и веру, доверю свою тайну. Не вам! – сказав это протоиерей сделал перечёркивающий жест, затем, давая понять, что разговор закончен, бросил: – «Изыди с глаз моих» и ушёл во внутренний придел собора.

– Ну что же, на то, едрён дон, воля божья, – вздохнув, проговорил с явным облегчением Трофим.

Глава 5

Ведомство сэра Вернона Джорджа Келла располагалось в Темз-хаусе на северном берегу Темзы недалёко от Ламбетского моста. Начавшее свою историю, как розыскное бюро из десяти человек, в 1916 год оно было реорганизовано и стало частью директората военной разведки со штатом в восемьсот сотрудников. Сюда стекались все сведения из охваченной войной Европы. Это было МИ6.

Джон Салливан, глава Европейского отдела внешней разведки, шёл на очередной доклад к шефу. Он делал это регулярно по утрам, в течении последних лет в его викторианской кабинете, на втором этаже правого крыла Темз-хауса. Отмеряя взглядом старинный паркет под ногами, разведчик думал о том, как подать начальству новость об успешной операции, которую затеял на свой страх и риск полгода назад с далеко идущими последствиями. «Начну издавека, пожалуй, а там будет видно. Всякое блюдо готовится не сразу, сначала надо разогреть сковородку. В конце-концов, мне есть чем заинтересовать». – с этими мыслями Салливан подошёл к кабинету Вернона Келла. Увидев его, секретарь, пожилая седовласая дама, заученным движением, нажала на селектор:

– Шеф, к вам Салливан.

В микрофоне сильно затрещало и в этом треске явно по-

слышалось:

– Пусть зайдёт.

Джон, изобразив вымученную улыбку пятидесятилетней родственнице Келла, взялся за ручку викторианской двери и вошёл. В глубине кабинета сидел основатель военной контрразведки Британии и читал какие-то бумаги. «Что там?» – привычно пронеслось в голове Салливана, – «Уж не обо мне ли?».

– Проходи Джон. – сэр Вернон Келл отложил бумаги и посмотрел на папку в руках Салливана. – Что на этот раз?

– Да собственно, ничего из ряда вон выходящего. – ответил глава отдела. —Рутина..

– Ой ли? – недоверчиво спросил Келл и, переменив положение тела с правого на левый контрапост, уставился на Салливана поверх линз для чтения.

Этот взгляд Джон знал прекрасно. За долгие годы совместной службы генерал ошибался редко, а на его счёт – никогда. После недавнего налёта Германской авиации он ждал только плохих вестей из Европы. Действительно, вторая волна немецких военно-морских сил, предпринявших новую беспощадную войну на море, имела плачевные последствия для королевского флота. Каждый день подлодки врага отправляли на дно английские суда. На фоне недавних поражений на «Линии Зигфрида», дела «Владычицы морей» шли хуже некуда. Военные потери давно перевалили за полмиллиона солдат и пришлось вводить принудительную мобили-

зацию. Была введена экономия продуктов и карточная система.

Генерал смотрел на своего заместителя ожидая его реакции. Она последовала незамедлительно:

– Осмелюсь предположить, что о делах в Европе вы осведомлены не хуже меня. Но... – Салливан обожал ставить акценты. – Я хочу предложить вашему вниманию некоторые подробности. Во-первых: в Турции, где работает наш агент, наметились очень неплохие выходы на высшее командование. Агент докладывает о тесных контактах с Осман-Пашой на его личной яхте.

– Да, да, я слышал об этом агенте, – раздражённо перебил его Келл, – Её зовут Алиса: денег берёт много, а отдачи — ноль!

– Я думаю на этот раз у неё все получится, надо только не торопить события. Плод должен созреть и тогда он сам упадёт к нам в руки.

– Ну ладно, подождём. Но мне всё же не нравится ситуация, когда Британское правительство должно оплачивать оргии дамочки лёгкого поведения. Что дальше?

– Во Франции наша агентура докладывает о планах Пуанкаре переиграть карту России. Теперь он хочет весь Юг, Крым и Украину и ведёт переговоры за нашей спиной с Японией и США. Я хочу предложить вашему вниманию распечатки перехваченных шифровок нашей агентурой в Париже. – с этими словами Джон выудил из папки несколько лист-

ков и их положил перед боссом.

Тот кивнул и продолжал слушать Салливана, который перешёл к заключительному аккорду.

– Несколько лет назад в сферу нашего внимания случайно просочилась информация о библиотеке, которую с давних времён искали, и в конце-концов, признали бесследно пропавшей... Я имею в виду легендарную библиотеку Ивана Грозного. Вы наверно помните, что эту информацию посчитали уткой и забыли. Но вот месяц назад наш агент, кстати тоже женщина, работающая по ближнему и масонскому окружению Пуанкаре, случайно узнала об операции касающейся этой библиотеки. Я докладывал вам об этом. В настоящий момент она постоянно держит нас в курсе дел Французской стороны, и мы пока на шаг опережаем их. В наших руках появилась одна из трёх частей рукописи, и наш агент очень близок ко второй части.

Глава Ми6 достал из длинного пенала сигару, повертел в руках, разглядывая её со всех сторон. Курить ему не хотелось, но он обожал Конан Дойля и во всём хотел походить на Шерлока Холмса. Вернон не верил в библиотеку Грозного, но чутьё подсказывала ему, что в самой запутанной и невероятной истории есть простое и ясное объяснение и оно, обычно, лежало на поверхности.

– Дайте команду форсировать события. Рукопись должна быть у нас полностью. – сказал он и отрубил гильотиной кончик сигары. Форсировать события означало лишь одно:

не останавливаться ни перед чем. Действовать быстро и решительно.

– Мы и так действуем слишком жёстко. – оправдываясь сказал Джон, он не был сторонником радикальных идей. – Нам пришлось избавиться от старика... С молодым, правда, вышла промашка – убрали не того. Но «Викинг» заявил, что исправит это в России. Я приказал ему отдать рукопись добытую у Калашникова нашему резиденту в Петрограде и заняться документом Васильевых.

Келл, воспользовавшись настольной зажигалкой, раскурил сигару, встал из-за стола и отошёл к окну. Салливан, несколько мгновений наблюдавший за ним, понял, что аудиенция закончена и сказал:

– Разрешите выполнять?

– Удачи. – напутствовал сэр Келл, глядя в окно – Действуйте решительно, и пожалуйста, сделайте так, чтобы наши службы нигде не засветились.

После такого напутствия заместитель отбыл в свой отдел, на второй этаж левого крыла Темз-хауса, где незамедлительно зашёл в шифровальный отдел и отдал подготовленные послания сотруднице которая обычно отправляла их адресатам. Одно было в Турцию на имя Алисы Гордон от любимой тётушки из Манчестера, а другая в Париж на улицу Монж, Тому Костнеру от управляющего имением в Йоркшире с подробным отчётом о делах. В «отчёте» были закодированы инструкции по дальнейшему проведению операции «Либе-

рея».

Тот, кого касалось это больше всего, лежал в это время на узкой кровати в дешёвом номере гостиницы в Апраксином переулке и ждал. Это было единственное, что ему оставалось делать. Он глазел в потолок и мысленно прокручивал в голове события произошедшие после убийства старика в Париже. Они всплывали перед глазами, как хроники «синематографа» на белой простыне экрана: попытка убийства Кожемяки в поезде и ночной налёт на квартиру Калашникова, где он добыл вторую часть рукописи... Датчанин не жалел о загубленных жизнях. Он сожалел лишь о том, что согласился на эту авантюру в России, где всё было опасным и по-азиатски чуждым. События, развивающиеся поначалу столь стремительно, застопорились и сейчас он не знал, что делать дальше. В последней зашифрованной телеграмме, полученной им неделю назад, говорилось о том, что в Петрограде с ним встретится человек, которому надлежит передать добытую рукопись, а также будет указано, где искать Васильевых. Сегодня на Почтамтскую должна была прибыть очередная телеграмма из Парижа на имя Ульриха Ольсена. Прошрое послание ему не понравилось. Он почувствовал себя обманутым: этот странный приказ – отдать добытую рукопись неизвестному лицу в Петрограде, вместо того, чтобы

отправиться в Париж и вручить её прямо в руки лицу нанявшему его на эту работу..

На улице, сквозь открытые окна датчанин слышал крики и ругань извозчиков. Ольсен скинул ноги в рыжих сапогах со спинки кровати и пружинисто прошёлся по комнате к окну. Внизу каким-то непостижимым образом сцепились две пролётки, которые, толи не смогли разъехаться, толи не захотели уступать друг другу дорогу. По этому поводу на мостовой разгорелась нешуточная склока между водителями кобыл, куда следом включились и пассажиры экипажей. Обложив друг друга набором ругательств, извозчики успокоились и занялись сцепившимися колёсами. Сидевшие в экипажах продолжали ругаться и нетерпеливо подгоняли их, давали бесполезные советы по устранению аварии. «Идиоты!» – прокомментировал увиденное Ульрих и отошёл от окна. Часы в комнате показывали половину третьего. Датчанин одел свою кожаную куртку и вышел из номера.

На Петроградском почтамте, как всегда, было многолюдно. В окошке, где среди прочих, значилась буква «О», Ольсен назвал своё имя и через минуту получил запечатанную телеграмму с пометкой «срочно». Отойдя к конторке Ульрих надорвал бумагу и, развернув послание, переписал содержимое телеграммы в особую страницу блокнота. Получилось следующее: «Викингу. Родственник ждёт посылку с 19 до 20. В ресторане «Астории». 02.09.1917. Трофим Васильев, матрос крейсера «Громобой», находится в Петропав-

ловской крепости. Сделать всё, чтобы добыть документ. После выполнения задания получите окончательный расчёт». Датчанин скомкал телеграмму и сунул её в карман: он всегда сжигал документы содержащие секретные сведения и собирался сделать это по прибытии в гостиницу. Ситуация с последними хранителями документа прояснилась и Ольсен решил вплотную заняться этим Васильевым.

С утра он занял пост напротив входа в Петропавловскую крепость. Не привлекая внимания, ему достаточно быстро удалось выяснить, кто из двадцати моряков «Громобоя» является Трофимом Васильевым. На второй день он увидел его у ворот крепости. Отправившись вслед за ним, Ольсен оказался на Английской набережной возле памятника Петру. Там матрос свернул к «Исаакию» и зашёл внутрь собора. Датчанин потоптался возле входа, и собравшись войти следом, чуть не столкнулся с выбежавшим обратно Трофимом. Ольстер быстро закрыл лицо крестным знаменем и, застыв в поклоне, краем глаза проводил сбегающего вниз матроса. Тот споткнулся о последнюю ступеньку, выругался, и поправив бескозырку, направился на Мойку. Датчанин последовал за Васильевым до Юсуповского дворца, где Трофим нырнул в подвал с говорящим названием: «Под столом». Здесь его ждал вновь обретённый родственник Дормидонт. Под сводчатым потолком, среди дыма и чада едва светились засиженные мухами лампы, под конусами абажуров. За грязными столами, среди остатков воблы и окурков сидел народ, разго-

ряченный выпивкой. Датчанин, войдя следом за матросом, задохнулся от дыма и вони висевших в подвале. Он уже хотел было ретироваться, но, увидев человека, которого должен был убить в поезде «Париж-Петроград», остался. Воспользовавшись бурным проявление взаимной радости, он прошмыгнул мимо друзей и сел рядом, так чтобы не привлекать внимание к своей особе. Он заказал воблы, кружку пива и стал ждать. «Родственники» о чём-то тихо переговаривались, и по обрывкам фраз, Ольсен понял, что обсуждались перспективы развития анархизма в России. Через пол часа, поняв, что ничего нового о будущем партии анархистов не услышит, он, так и не притронувшись к заказу, покинул заведение и вышел к Мойке, где по воде курсировали лодки гружёные товарами. Ольсен некоторое время смотрел на набережную чем-то напоминавшую ему Копенгаген, затем отошёл от парапета и оглянулся на подвальчик. «А что, – мелькнуло у него в голове. – «Вполне удобный случай убрать Кожемяку». План, поправить ошибку и возможность закрыть гештальт показался удачным и датчанин, любивший внезапность, решил дождаться, когда любители выпить загрузятся под завязку и действовать по обстоятельствам.

К вечеру уставшая парочка появилась в дверях кабака. Шатаясь они поднялись по ступеням на улицу и спотыкаясь побрели по набережной.

– Ты не представляешь, как помог мне, – пьяно выговаривал слова, Трофим, обнимая Александра-Дормидон-

та. – Я сегодня остался совсем один-одинёшенек, едрён дон. Отец от меня отказался, брат-уголовник презирает... Сабакка! Только ты меня понимаешь. Ты меня понимаешь? Скажи... Едрён дон.

– Я тебя понимаю едрён дон – согласился Кожемяка. То, что поведал ему пьяный Трофим, хватило чтобы понять, что они с Ришаром шли по ложному следу. Ни один из братьев не участвовал в налёте на квартиру Калашниковых. Яков Фёдорович видел кого-то другого, очень похожего на них...

Хоть Александр был пьян, он пытался докопаться до истины, в голове его возникали закономерные вопросы: – «Кто этот таинственный визитёр? Кто убийца? Возможно шлейф от него тянется до Парижа в отель «Виктория». Ведь так просто объяснимы два события, когда они связанные одним мотивом – рукописью, за которой началась охота... И охотник этот где-то рядом».

Александр невольно оглянулся – на набережной быстро темнело. Народ идущий по своим делам не вызывал особой тревоги. «И всё же он здесь» – подумал «родственник» Васильева стараясь поставить Трофима прямо. – «Он рядом, как в поезде.. Как там, на лестнице...». Александр прислонил матроса к парапету набережной и того вырвало в канал.

– Сейчас тебе полегчает, брат. – сказал Александр. Его тоже мутило, но он держался. Очистив желудок Васильев действительно посветлел лицом и взгляд его стал осмысленнее. Он начал икать.

– Мне пора – вспомнил Трофим о том, что мичман отпустил его до десяти вечера.

– Я провожу – сказал Александр и взял его под руку.

– Нет, я сам, едрён дон, – воспротивился Трофим и двинулся достаточно твёрдой походкой по набережной. Александр поплёлся следом тоже постепенно приходя в себя. Было свежо: наступала осень. На Гороховой они повернули к Адмиралтейству и вышли к дворцовому мосту. Здесь они долго стояли и обнимались, будто прощались на век. Трофим поспешил в крепость, а Александр отправился в гостиницу, на Сенную площадь.

Когда «родственники» расстались, датчанин посмотрел вслед уходящему матросу, и развернувшись, пошёл вслед за Александром.

Кожемяка нашёл Ришара в кровати читающим книгу. Увидев Александра, Ален скорчил недовольную гримасу, отложил книгу и спросил:

– Ты где пропадал? По твоему виду можно предположить, что какие-то новости всё же есть.

– Да, пожалуй есть. – согласился Александр. Он сел за стол, налил стакан воды и жадно выпил.

– Ну давай, давай.... Не тяни резину... – поторопил его Ришар и приподнявшись, сел на кровати.

Молодой Кожемяка рассказал поделельнику о встрече с Васильевым и поделился своими опасениями. По всему выходило, что они столкнулись с врагом сильным и хитрым, и возможно, с тем самым таинственным, похожим на альбиноса убийцей, которого Александр видел мельком убегающим через чёрный ход.

– Пожалуй ты прав. – согласился Ален – Убийцу мы притащили из Парижа и он прекрасно осведомлён зачем мы здесь. Кто-то очень любознательный, узнав о наших поисках, решил переиграть нас. Но если Васильевы не убийцы – значит будущие жертвы! Как же узнать, где рукопись?

Кожемяка отрицательно покачал головой:

– Разговор на эту тему, я думаю, насторожил бы Васильева. Это всё равно, что спросить у банкира код хранилища.

Ришар пояснил, что вопрос был риторическим. И так ясно – узнать о судьбе рукописи – не простая задача. Но узнать надо.

– Ладно, отбой. – сказал в заключение Ришар. – Завтра будет день. Завтра будут дела.

Вскоре оба уснули. Александру снилось болото. Он с трудом пробивал себе путь сквозь ряску и мох, плавающий на поверхности в зловонной жиже. Ноги по колено уходили в тину, он с надеждой смотрел на край земли маячивший в десяти метрах впереди и мечтал о чистой полосе воды, по которой можно было легко и быстро добраться туда вплавь. Пройдя несколько шагов, он почувствовал, как тя-

жёлая грязь под ногами превратилась в пустоту, заставив его окунуться в мерзкую жижу с головой. Он рванулся вверх, и захлёбываясь закричал: — «Воды.. ради бога чистой воды!»

Александр в ужасе открыл глаза. Ришар тихо сопел на соседней кровати. Очень хотелось пить. Он тихо встал с койки и отправился в ванную комнату, где открыв кран, умылся и выпил несколько пригоршней холодной воды, немного пригасившей очаг страха и острую боль в груди, вызванную ночным кошмаром. Закончив процедуру омовения, Александр, вытерся серым полотенцем, повернулся с тем, чтобы выйти из ванной комнаты и увидел перед собой лицо, которое вполне можно было спутать с лицом Васильева. Только оно было лицом убийцы.

Мгновенно сон вылетел из головы Александра, и поставив блок, он перехватил правой рукой занесённый нож, а левой врезал незнакомцу два хороших «Джеба», и отскочив к стене, приготовился к обороне. Высокий блондин только ухмыльнулся от ударов бывшего поручика, перебросил нож в другую руку и завёл её за спину — своим коронным приёмом, когда удар выбрасывается внезапно, с непредсказуемым углом нападения. Он обходил Кожемяку молча, уже представляя радиус удара, но споткнулся о преграду, которая подобно молоту Тора была неодолима. Блондин рухнул как подкошенный и Александр с облегчением увидел стоящего над ним Ришара со своей тяжелой тростью. Тот быстро и ловко обыскал ночного визитёра. Положив добычу на стол, Ален

выудил из кучи паспортную книжку, развернул, и повернувшись к ночнику, прочёл:

– Дания, владелец: Ульрих Ольсен, возраст 35 лет. Рост, вес, вероисповедание.. – затем он взял в руки записную книжку и пролистав её до последней записи улыбнулся, торжествуя глядя на Александра. – Вот это называется везением, мой друг. Враг побит, беспомощен и жалок... и, конечно, сейчас мы узнаем – зачем он пожаловал. Надо только допросить этого Ольсена... Очень хочется узнать с кем будет встреча в «Астории».. И включите, наконец, свет, поручик!

Александр подошёл к двери и нажал на выключатель. Свет зажегся, но в том месте, где лежал ночной гость было пусто. Ришар, наклонившись к потёртым доскам пола, уставился на несколько капель засохшей крови и проговорил совсем как русский:

– Ну, теперь – ищи ветер в поле...

Глава 6

«Когда ты хочешь выиграть— действуй не так, как ждёт противник. Запутай его: он пошёл в атаку, а ты пропусти его сквозь себя... Он подумает, что победил, а ты нанеси удар, где он не ждёт. Удиви его!!!» – так учил старый капрал молодого Александра в Триполи, где французские войска перед вторжением итальянцев в северную Африку, выясняли отношения с турками. Тогда молодой Кожемяка впервые пропустил сквозь себя турецкую пулю, получил повышение и отпуск по ранению. Но он, запомнил наставления капрала и в дальнейшем, более успешно рискуя своей жизнью, уже через три года получил чин поручика. Сейчас ситуация была предельно ясной: враг, наконец, проявился, был опознан, и, впервые, мяч был на французской стороне. Оставалось только потянуть за ниточку в гостинице «Астория». В этом, на первый взгляд, простом плане была одна опасная составляющая – датчанин Ольсен. Скорее всего он уже не Ольсен, а какой-нибудь Ганзен. У него короткие чёрные волосы, борода, кафтан и картуз. Он опасен, вооружён и насторожен. Всё это Александр вполне осознавал, что, впрочем, не поколебало его решимости.

– Надо идти, обязательно надо идти. – убеждённо повторял он глядя на Алена.

Они сидели у себя в номере. Ришар молчал. В его голо-

ве, квадрат Исаакиевской площади с «Англетером» с одной стороны и «Асторией» с другой, представлялся шахматной доской, заполненной необходимыми фигурами. Призрак соблазнительной возможности выйти на резидента заманчиво маячил перед ним, но разработать оптимальный план действий мешала одна маленькая деталь – датчанин знал их в лицо.

– Надо, – согласился он и невесело резюмировал. – Только вот лучше ловушки для нас не придумать. Что же нам делать и как быть? После того, как он оставил нам свою визитку, Ольсена, в его новом обличье, мы не узнаем – это факт. Правда – его не узнает и резидент... Тогда, как они узнают друг друга? – Ришар, вдруг, хлопнул себя по лбу, сделал дебильную гримасу и прогнусавил, как в дешёвом балагане. – Никто никого не узнает... Поиграем в маскарад!

Оставшееся время до назначенной встречи, они колдовали друг над другом клея фальшивые бороды купленные в театральной лавке возле «Мариинки» и примеривая купленные на «Сенной» пальто и шляпы. Александр всё искал способ решения задачи и в голове вертелся один и тот же вопрос: – «Как обмануть датчанина?». Поручик вспомнил о хитрости применяемой военной разведкой в горах Ливии. Банды горцев, которые сражались на стороне турок, были

неуловимы в горных лесах. Егеря использовали «подсадных уток» – впереди отряда пускали небольшой обоз из марки-танок и тыловых солдат. Приманка действовала безотказно. «Башибузуки» выскакивали из засады и встречались с основным хорошо вооруженным отрядом.

Ален оценил рассказ Кожемяки и его идею подложить ре-зиденту «утку»: человека очень похожего по описанию на «Викинга».

Они спустились к администратору и Александр позвонил в Петропавловскую крепость. Там долго искали Васильева, наконец нашли. Трофим удивился звонку, но был заинтригован, когда поручик назначил ему встречу в «Астории».

В восемнадцать часов сорок пять минут в холл гостиницы «Астория» зашли два господина похожих на уездных заводчиков в дорогих пальто с меховыми воротниками до колен. Целью визита этих господ было посещение известнейшего ресторана Петрограда, где, не смотря на революционные потрясения и перебои с продуктами, была самая фантастическая кухня города. Под пальто заводчики прятали пистолеты, а под гримом и фальшивыми бородами личности французских агентов. Скинув свои сбруи на плечи возникшего невесть откуда лакея, старший сказал с европейским акцентом:

– Любезный, а как нам поужинать, чтоб не мешали?

– Сей момент, господа.. Вот, извольте пройти в зал.– почувствовав в руке монеты, произнёс халдей указывая на столики у стены среди пальм.

Пройдя в глубину сияющего хрустальным светом зала, Ален и Александр выбрали приглянувшийся столик, откуда хорошо просматривался холл и гардеробная гостиницы. Александр, который стоически боролся с желанием почесать бороду, оглядел зал ресторана, где сидели благодусные ранние посетители и неспешна поглощали еду. Лицо ощутимо свербило, он вспотел и проклинал администрацию гостиницы, давшую распоряжение топить в это время года. Он терпел и не трогал лицо, понимая, что это может нарушить грим. Ришар изучал меню, намереваясь сделать заказ, справедливо полагая, что если уже пришлось оказаться в святой святых гастрономической жизни Петрограда, то почему не насладиться великолепной кухней, признанного лидера. К столику, в поклоне подошёл официант и голосом занудного конферансье, стал перечислять меню:

– Добрый вечер, господа. Что будем заказывать? Есть свежайшие омары... На закуску расстегаи с грибами, икорка белужья, грузди с брусникой, карпаччо из индейки, судачок под ...

– Достаточно, любезный, – прервал его Ришар. – Я уже выбрал. Принеси-ка мне икорку, блинчиков с сёмгой, грибочков, для начала двести грамм водки... а там будет видно.

Халдей, поначалу подозрительно смотревший на Алена, вернее на его грязные штиблеты, услужливо кивнул при слове икра и повернулся к Александру.

– Мне всё то же, только без икры.– сказал Кожемяка, и подумав, добавил – Пожалуй, принеси ещё сельтерской.

Официант упорхнул на своих танцующих ногах и растворился в недрах кухни. По залу прошла пожилая семейная пара и села недалёко от заводчиков за столик для двоих. К ним тут же подошёл официант, как две капли похожий на того, что исчез на кухне и почти дословно перечислил старичку весь список. В холле большие часы пробили семь. Заводчики напряглись и не отрываясь следили за входом. Александр ждал появления Васильева, который должен был сыграть «мнимого» датчанина. Он пока не представлял каким образом произойдёт встреча с ожидаемым резидентом, но был уверен, что это случится непременно. Кого-то похожего на Ольсена, естественно не было. Александр всматривался во все лица, но, ни в обслуге, ни в случайно заглянувших посетителях, он не увидел и намёка на датчанина. Прошло пять минут. Двери гостиницы открывались впуская новых людей. Появился официант неся большой поднос с двумя графинами, бутылкой сельтерской и тарелками с закусками. Александр разлил водку поддел грибочек и уже поднёс рюмку ко рту, как увидел Васильева. Тот стоял в дверях гостиницы и озирался, ища глазами Кожемяку. В холле Александра не было и он подошёл к стойке администрато-

ра. Там, наклонившись к окошку, Трофим попытался что-то втолковать клерку, который с нескрываемым снобизмом, слушал его, а выслушав, указал на выход. Получив отповедь Трофим плюнул, выругался и вернулся к дверям. В это время старик с грязновато-седым хохолком, как у постаревшего какаду, сидевший недалеко от заводчиков, встал, сказал своей спутнице насколько слов, и оглядев острым взглядом зал, направился к выходу. Двери в гостиницу опять открылись, впустив, вместе с вечерним воздухом, новую партию гостей, среди которых, Александр, внимательно следивший за входившими, заметил двух дам, франта в клетчатом пальто и кучера тащившего чей-то чемодан. Он отвлёкся на высокого франта, который сразу пошёл к окошку администратора, видимо, имея намерение заселиться в гостиницу. Дамы, миновав холл, грациозно вплыли в ресторан. У входа они остановились, поджидая метрдотеля, летевшего к ним через весь зал на всех парах. Видимо, дамы были на особом счёту в этом заведении, поэтому, их со всевозможными почестями, отвели к столику для особых клиентов. Проводив их взглядом, Александр вернулся к наблюдению за холлом и то, что он увидел, заставило его сердце забиться с удвоенной скоростью. У входа в ресторан, Трофим разговаривал с обладателем хохолка, тем самым стариком, что недавно покинул столик со своей спутницей.

– Внимание, есть контакт, – чуть слышно произнёс Ришар, который всё видел, и был готов к действию. Он бросил

быстрый взгляд на поручика и скомандовал:

– Пора!

Оба пружинисто встали и скорым шагом направились к выходу. Им оставалось пройти с десятков шагов до выхода из ресторана, когда произошёл инцидент, совершенно не учтённый в плане, и приведший задуманную операцию к неожиданной концовке. Рослый кучер, стоявший безучастно возле чемодана франта, вдруг, достал большой пистолет и ударил им по голове Трофима, затем, наставив его на старичка, вытолкал того, в полнейшем ужасе из гостиницы, размахивая поочерёдно, то кнутом, то пистолетом. Агенты, поваляв стулья, устремились в погоню. Пробегая мимо поверженного Трофима, Александр посмотрел в ошалевшие от боли и удивления глаза «родственника» и подумал, что придётся серьёзно объясниться. Выбежав на площадь, Александр увидел пролётку сворачивающую на Морскую улицу и побежал к «свободному лихачу». Прыгнув следом за Кожемякой в экипаж Ришар громко приказал кучеру преследовать беглецов. Пролетка рванула так резво, что, казалось, беглецам далеко не уйти. Но увы, погоня продолжалась недолго. При повороте на «Гороховую» у брички полетела ось и преследователи со всего маха въехали в ограду дома №23. Бричка потеряла потеряла в аварии два колеса, лошадь и пассажиры при этом не пострадали. Агенты с досадой проводили взглядом удаляющуюся пролётку, и оставив ругающегося кучера исправлять поломку, раздосадованные вернулись

в «Асторию». Там уже была полиция. Васильева перевязали и поили горячим чаем с лимоном. Полиции Трофим признался, что ему назначили встречу в гостинице и о том, что произошло дальше он не имеет ни малейшего понятия. В конце-концов от него отстали. Ришар расплатился с официантом. Им вернули пальто, после чего Александр вызвался проводить Трофима до крепости, а Ришар решил заняться спутницей похищенного старичка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.